

I. Идея анархизма и её развитие.

Анархия есть отрицание власти. Власть же мотивирует свое существование необходимостью защищать различные общественные учреждения – семью, религию, собственность и проч. – и создает с этой целью целый ряд орудий, обеспечивающих её деятельность и санкцию; главные из этих орудий – закон, судебные учреждения, войско, законодательная и исполнительная власть. Вот почему, вынужденная давать ответ на все, идея анархизма должна была бороться со всеми общественными предрассудками, должна была бороться со всеми данными человеческой науки, с целью показать, что связанные с ней понятия вполне соответствуют как физиологической и психологической природе человека, так и изучению естественных законов, между тем как современная общественная организация, наоборот, противна всякой логике, всякому здравому смыслу, результатом чего и является непрочность наших обществ, которые постоянно подвергаются революционным взрывам, вызываемым накопившимся гневом тех, кого давит произвол существующих учреждений. Когда анархисты борются с властью, им приходится таким образом критиковать все те учреждения, защитником которых эта власть является и необходимость которых она старается доказать для оправдания своего собственного существования.

Поэтому область анархических идей расширяется. Исходя первоначально из простого политического отрицания, анархизм должен был затем подвергнуть критике все экономические и общественные предрассудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую в основе современного экономического порядка, выражала бы в то же время известные стремления по отношению к будущему. И вот рядом с «анархизмом» естественно стал «коммунизм».

Ниже мы увидим, что существуют утонченные резонеры, которые доказывают, что раз анархизм означает полное и всестороннее развитие личности, он не может иметь ничего общего с коммунизмом. Мы же, напротив, имеем в виду показать, что личность может развиваться именно только в обществе, а это последнее может существовать только при условии свободного развития первой; одно таким образом дополняет другое.

Вот это-то разнообразие рассматриваемых и разрешаемых вопросов и содействовало быстрому развитию анархических идей, которые были вначале достоянием лишь небольшой группы никому неизвестных людей, лишенных всяких средств пропаганды, а теперь проникают с большим или меньшим успехом и в науку, и в искусство, и в литературу.

Ненависть к власти, требования социального характера существовали издавна: они зарождаются с того момента, когда человек начинает чувствовать, что его угнетают. Но через сколько ступеней, через сколько различных систем должна была пройти эта идея

прежде чем вылиться в её настоящую форму?

Первый намек на нее мы находим у Франсуа Рабле, в его описании Телемского Аббатства, но здесь она еще совершенно неясна, и он считает ее неприложимой ко всему обществу в его целом: доступ в его аббатство разрешается только привилегированному меньшинству, при котором состоит целый штат прислуги.

В 1793 году уже говорят об «анархистах». Жак Ру и так называемые «бешенные» поняли, по нашему мнению, лучше других смысл революции и больше всего сделали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили их в тени; их история еще не написана, скрытые в архивах и библиотеках документы еще ждут человека, у которого хватило бы времени и энергии на то, чтобы вынести их на свет божий и объяснить многое из того, что до сих пор остается нам непонятным в этом трагическом периоде истории.[8] Мы не можем поэтому сделать никакой оценки их программы.

Чтоб найти анархизм как оппозицию власти и государству и как начинающую складываться теорию, нужно дойти до Прудона. Но анархизм здесь не больше как теоретический враг государства: на практике, в своих планах общественной организации, Прудон оставляет под различными названиями все те части административной машины, которые составляют самую сущность правительства. До самого конца Империи анархизм существует во Франции лишь в виде смутного мютюэлизма, который в первые годы после Коммуны вырождается в движение производительных и потребительских товариществ – движение вполне ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути[9].

Но еще гораздо раньше этого бессильного движения, от нового дерева родился другой отпрыск. Интернационал создал в Швейцарии «Юрскую Федерацию», в которой Бакунин проповедовал идею Прудона – анархию враждебную власти, – но притом развив, расширив ее и слив ее с социальными требованиями. С этого-то времени и начинается настоящее развитие современного анархического движения. Конечно, многие предрассудки еще жили в умах, в высказываемых идеях еще было много нелогичного. В организации, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаний государственных идей, но как бы то ни было первый шаг был сделан: идея стала затем расти, очищаться и все более и более ясно определяться. И когда не больше как каких-нибудь 20 лет тому назад, анархизм впервые заявил о себе во Франции на одном из конгрессов, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожным меньшинством и что против неё были не только защитники существующего порядка, но и те псевдо-революционеры, которые видят в народных требованиях только средство прийти ко власти – несмотря на все это в ней оказалось достаточно способности к развитию, чтобы утвердиться (хотя у её сторонников не было никаких средств пропаганды, кроме собственной энергии), достаточно силы, чтобы заставить защитников существующего капиталистического строя бороться и преследовать ее, а людей добросовестных – ее обсуждать. Это лучшее доказательство её жизнеспособности и силы.

Таким образом, несмотря на крестовый поход, предпринятый против неё всеми теми, кого можно считать представителями различных фракций общественного мнения, несмотря на клевету, на осуждения, на тюрьму, анархическая идея проложила себе дорогу.

Основываются группы; во Франции, Бельгии, Италии, Испании, Португалии, Голландии, Англии, Норвегии, Америке, Австралии и России создаются органы для пропаганды на всевозможных языках – славянских, немецком, идише, армянском – и во всевозможных местностях. Но, что еще важнее, от небольшой группы недовольных анархические идеи проникают во все классы общества, повсюду, где только работает человеческий ум. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служат их носителями.

В начале, эти идеи были не больше, как мало сознательными формулами, неясными требованиями – часто скорее простыми проявлениями протеста, чем действительными убеждениями. Теперь же анархические идеи не только ясно формулируются, но люди, которые их распространяют, вполне сознают, что распространяют именно анархизм, и не страшатся назвать его собственным его именем.

Итак, уже не одни анархисты находят теперь, что существующий порядок дурен весь целиком и что его нужно изменить. Жалобы на существующее и стремление к лучшему можно встретить даже у тех, кто считает себя защитником современного положения вещей. Мало того: люди начинают чувствовать, что нельзя довольствоваться бесплодными пожеланиями, что нужно работать для осуществления своего идеала, начинают понимать и проповедовать пропаганду делом и примером. Иначе говоря, сравнивая то удовлетворение, которое доставляет человеку сознание, что он поступает согласно своим убеждениям, и те неприятности, которые ему может доставить нарушение существующих законов, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь с своими взглядами – насколько темперамент данной личности может сопротивляться преследованиям общественного возмездия. Эта быстрота развития анархических идей зависит от того, что, хотя с самого начала они противоречат многим принятым идеям и установившимся предрассудкам и пугают тех, кто слышит о них в первый раз, они в сущности отвечают на ряд затаенных чувств и смутных запросов и дают человечеству в конкретной форме тот идеал благосостояния и свободы, о котором оно прежде едва осмеливалось мечтать. Эти идеи казались страшными с первого взгляда, потому что проповедовали ненависть и презрение к многим из тех учреждений, которые считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, в противоположность принятым взглядам, что эти учреждения вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся в руках слабых или дурных личностей. Они говорили толпе, что не нужно довольствоваться сменой личностей, стоящих у власти, и частичными улучшениями в учреждениях, но нужно прежде всего разрушить то, что делает людей дурными и дает возможность меньшинству пользоваться всеми силами общества для угнетения большинства. Они показывали, что то, что до сих пор считалось причиной зла, от которого страдает человечество, есть ничто иное как последствие зла гораздо более глубокого, что нужно, следовательно, изменить сами основы общественного устройства.

Но, как мы уже видели выше, в основании современного общества лежит частная собственность. Защита капитала – единственная цель существования власти. Организация семьи, чиновничества, армии, суда прямо вытекает из существования частной собственности. Задача анархистов состояла, следовательно, в том, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктов труда прошлых поколений меньшинством тунеядцев и подорвать авторитет власти, показав её вред для человеческого развития, её

роль покровительницы привилегированных классов и ничтожество тех принципов, на которые она опиралась для оправдания своих учреждений.

То, что отталкивало от анархизма людей личных интриг и личного тщеславия, заставляло, наоборот, людей, мыслящих изучать и обдумывать те идеи, которые он приносил с собой. Дело в том, что в них нет места ни личным соображениям, ни мелкому самолюбию; они не могут служить средством для тех, кто видит в рабочих требованиях не больше как способ завоевать себе место в рядах эксплуататоров. Мотылькам политики нечего делать в рядах анархистов. Там нет, или почти нет, места ни мелким личным интересам, ни ряду кандидатур, открывающих поле всевозможным надеждам и компромиссам. В партиях политиков или социалистов-государственников какой-нибудь карьерист всегда может подготовить незаметным образом свое «обращение» так, что товарищи замечают его уже много времени спустя после того как оно совершилось. У анархистов это невозможно: всякий, кто согласился бы занять какой-нибудь пост в современном обществе, после того как он сам доказывал, что все те, кто занимает эти места могут держаться на них только при условии быть вместе с тем защитниками существующего порядка, будет тотчас же заклеен названием ренегата, потому что у него не может быть никаких оправданий для его «эволюции». Вот почему, то самое, что навлекло на идею анархизма ненависть интриганов, вызывало вместе с тем на размышление людей искренних; этим и объясняется её быстрый успех.

Что, в самом деле, возразить людям, которые доказывают, что если вы хотите, чтоб ваши дела шли хорошо, вы должны делать их сами, а не давать на это полномочия другим? В чем можно упрекнуть людей, которые говорят, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собой? Что ответить тем, кто показывает вам причины бедствий, от которых вы страдаете, указывает средства избавиться от них, и при этом не только не говорит, что эти средства находятся у него в руках, но, напротив, старается внушить вам, что только вы, вы сами, можете судить о том, что вам нужно и чего, наоборот, вам следует избегать.

Если какая-нибудь идея обладает достаточной силой чтобы внушить людям твердые убеждения, за распространение которых они борются и страдают, ничего не ожидая в смысле непосредственных результатов – такая идея уже по одному этому является в глазах искренних людей достойной изучения; так именно случилось и здесь. И вот, несмотря на крики негодования одних, на злобу других, на преследования правительств, идея все растет и развивается, доказывая буржуазии, что голос правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно с ним приходится считаться.

Анархизм имеет своих мучеников – умерших, заключенных в тюрьмы, изгнанных, – но он остается живым и полным сил, и число его пропагандистов все растет. Среди них есть и пропагандисты сознательные, понявшие все величие идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражают свою ненависть к учреждениям, задевающим их сокровенные чувства или их инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширине анархические идеи привлекают всех тех, в ком живо чувство собственного достоинства, кто жаждет справедливости, и красоты истины. Быть свободным от всякого принуждения, от всякого стеснения – не есть ли это, в самом деле, идеал человека, и не с этой ли целью

производились все революции? Ведь если люди все еще терпят над собой гнет эксплуататоров, если человеческий ум до сих пор томится в тисках понятий капиталистического общества, то это потому, что общепринятые взгляды, рутина, предрассудки и невежество брали всегда верх над мечтами о свободе и стремлением к независимости и заставляли тех самых людей, которые только что изгнали тех, кто господствовал над ними, вместо освобождения, избрать себе новых господ.

Анархические идеи пролили свет не только в умы рабочих, но и в умы всевозможных мыслителей, которым они помогли разобраться в своих собственных чувствах, показали настоящие причины окружающей бедности и средства для её устранения, показали в чем цель и где ведущий к ней путь, объяснили, почему все прошлые революции кончались неудачей.

Именно этой тесной связью анархических идей с сокровенными чувствами человека и объясняется их быстрое развитие; именно она придает им силу и делает их неуязвимыми. Напрасно направляется на них и на их пропагандистов и злоба правительств, и различные репрессивные меры, и ненависть неудовлетворенного тщеславия: они уже проложили себе дорогу и ничто не может помешать им развиваться и стать идеалом всех обездоленных, лозунгом всех их попыток к освобождению.

Капиталистическое общество так узко и мелочно, всякое широкое стремление в нем так подавляется, оно убивает столько хороших побуждений, оскорбляет в большей или в меньшей степени личное достоинство столько людей, не могущих примириться с узостью господствующих в нем понятий, что если бы даже ему удалось заглушить на время голос современных анархистов, то скоро само угнетение вызвало бы к жизни новое поколение их, такое же непримиримое.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 17:05:19

██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 17:06:24